МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7
УДК 330
JEL O11, O43

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий[1]

Дмитрий А. ВЕСЕЛОВ ✉
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Веселов, Д. А. (2025). От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий. *AlterEconomics, 22*(1), 83–102. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7

Аннотация. В статье предложен обзор теоретических и эмпирических работ последних лет, проясняющих механизмы качественных изменений в экономике и обществе, которые создают условия для современного экономического роста. В фокусе данных работ эндогенный переход государства и общества от одной системы институтов и ценностей к другой, от стагнации к устойчивому развитию, от одного технологического уклада к иному, что выходит за пределы базовых моделей экономического роста, фокусирующихся на периоде XX–XXI веков и сводящихся к исследованию траектории сбалансированного роста. Особенностью рассматриваемых работ является использование уникальных данных: археологических, исторических, биогеографических, позволяющих уточнить детерминанты долгосрочного экономического развития. Данный обзор фокусируется на доиндустриальной эпохе и показывает взаимосвязь между особенностями развития того времени и современными результатами; в нем показано сходство между доиндустриальными и современными источниками экономического роста. Обсуждение начинается с наиболее ранней эпохи развития человеческих сообществ, включая период неолитической революции и формирования ранних государств. Описывается роль институциональных, образовательных, культурных факторов при возникновении первой промышленной революции и эпохи современного роста. Представлен класс новых моделей, обосновывающих формирование институтов и культурных черт, поощряющих рост, а также демонтаж институтов, блокирующих развитие. Исторические примеры, обсуждаемые в работе, включающие развитие итальянских городов-государств, расцвет и закат гильдий в Европе, долгую дивергенцию между странами Европы и исламским миром, могут быть использованы в курсе по теории развития, учитывающем не только количественное приращение факторов производства, но и качественные изменения, происходящие в экономике и обществе.

Ключевые слова: теория роста, раннее развитие, институциональные изменения, неолитическая революция, фундаментальные факторы роста

Благодарность: Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор благодарит Е. В. Балацкого и анонимных рецензентов за ценные замечания по работе.

[1] © Веселов Д. А. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

From Growth Theory to Development Theory: Beyond Stationary Trajectories

Dmitry A. VESELOV ✉
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

For citation: Veselov, D. A. (2025). From Growth Theory to Development Theory: Beyond Stationary Trajectories. *AlterEconomics, 22*(1), 83–102. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.7

Abstract. This article provides an overview of recent theoretical and empirical research clarifying the mechanisms of qualitative transformations in the economy and society that create conditions for modern economic growth. The focus is on the endogenous transition of states and societies from one system of institutions and values to another, from stagnation to sustainable development, and from one technological paradigm to another — going beyond the fundamental models of economic growth, which center on the 20th-21st centuries and primarily examine balanced growth trajectories. A distinctive feature of the reviewed studies is their use of unique datasets, including archaeological, historical, and biogeographical data, which refine the determinants of long-term economic development. This review focuses on the pre-industrial era and explores the connections between its developmental features and modern economic outcomes. It highlights the similarities between pre-industrial and contemporary sources of economic growth. The discussion begins with the earliest stages of human societal development, including the Neolithic Revolution and the formation of early states. It also examines the role of institutional, educational, and cultural factors in the emergence of the first industrial revolution and the modern growth era. A new class of models is introduced to explain how institutions and cultural traits that promote growth are formed, while those that hinder development are dismantled. The historical examples discussed –such as the development of Italian city-states, the rise and fall of guilds in Europe, and the long divergence between European and Islamic economies — can be incorporated into development theory courses. These examples highlight not only the quantitative growth of production factors but also the qualitative changes in the economy and society.

Keywords: growth theory, early development, institutional change, Neolithic Revolution, fundamental factors of growth

Acknowledgments: This article was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The author expresses sincere thanks E. V. Balatsky and the anonymous reviewers for the valuable comments.

1. Введение

Теория роста объединяет целый класс моделей, обосновывающих существование траектории сбалансированного роста — состояния экономики, при котором основные макроэкономические переменные (выпуск, капитал, потребление) растут с постоянными и одинаковыми темпами. Траектория сбалансированного роста играет ключевую роль при объяснении набора стилизованных фактов о долгосрочной экономической динамике развитых стран мира в XX в. Долгосрочные темпы экономического роста США, Великобритании, Франции и других развитых стран оставались относительно устойчивыми на протяжении последних 120–150 лет (Jones, 2016), что в целом характеризует период современного роста (*modern growth regime*).

В последние годы на английском, а также на русском языках изданы замечательные учебники по теории роста (Acemoglu, 2008; Jones & Vollrath, 2013; Aghion & Howitt, 2008; Ashraf & Weil, 2024). Они покрывают ключевые темы как бакалаврского, так и магистерского уровня, составляющих основу современной макроэкономики. Вместе с тем на данный момент курсы теории роста не уделяют значительного внимания классу моделей, объясняющих качественные изменения в макро-

экономической системе. Если смотреть на теорию роста более широко, то именно качественные изменения в экономике и обществе привели к эпохе устойчивого роста, на изучении которой сосредоточено большинство моделей, таких как модель Солоу-Свана, модель Рамсея-Касса-Купманса, модель перекрывающихся поколений, модель Ромера и др.

Данная статья предлагает обзор работ в области теории роста и развития последних лет, предлагающих новый методологический подход к пониманию проблем развития. В фокусе данных работ эндогенный переход государства и общества от одной системы институтов к другой, от стагнации к устойчивому развитию, от одного технологического уклада к иному, от отсутствия формального образования к его появлению и т. д.

Недавние монографии лауреатов нобелевской премии по экономике Д. Аджемоглу и Д. Робинсона (2012, 2021)[1], а также О. Галора (2022), М. Коямы и Дж. Рубина (2024) позволяют проследить влияние географических, институциональных и культурных факторов на долгосрочное экономическое развитие. Настоящий обзор дополняет данную литературу, фокусируясь на теоретических и эмпирических моделях, описывающих изменения в экономике и обществе до первой промышленной революции. Принципиальным отличием этих моделей является то, что экономический рост в них вызван не только поступательным приращением факторов производства или технологий, но и качественными изменениями в экономической системе. Для удобства изложения в данной статье мы воспользуемся хронологическим порядком изменений в экономике и обществе, чтобы проследить вклад современных экономических исследований в наше понимание глубоких источников роста. Более того, при изучении данного вопроса нам потребуется также опираться на работы историков, антропологов и представителей других социальных наук.

В русскоязычной литературе представлен ряд работ, прослеживающих пути к общей теории социального развития (Балацкий, 2019; 2021; Веселов, Яркин, 2022; Натхов, Полищук, 2017; Полтерович, 2018). В данной статье мы вносим вклад в эту область, предлагая обзор работ по глубоким факторам развития Европы и мира. Многие из изложенных в данной работе моделей и концепций являются сравнительно новыми, предложенными лишь в последние годы, кроме того, они фокусируются на процессах в экономике и обществе, происходящих в далеком прошлом. Особенностью этих исследований является использование уникальных данных: археологических, исторических, биогеографических и т. д. вкупе с экономическими методами, такими как построение динамических оптимизационных моделей, теоретико-игровых моделей и проведение эконометрических исследований.

Второй раздел статьи посвящен влиянию когнитивной и неолитической революции, а также формирования первых государств на долгосрочное экономическое развитие регионов мира, а также механизмам воздействия ранних факторов на современные показатели развития. Третий раздел фокусируется на успехах и провалах доиндустриального развития, подчеркивая роль фундаментальных факто-

[1] Лауреатами нобелевской премии по экономике 2024 г. стали Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон за исследование формирования экономических и политических институтов и их влияния на рост и благосостояние. Помимо книг (Аджемоглу, Робинсон, 2012; 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024) и научных статей, на русском языке существуют замечательные обзоры результатов Аджемоглу, Джонсона и Робинсона (Натхов, Полищук, 2017; Егоров, 2025).

ров, таких как институциональная система, накопление человеческого капитала, культурные особенности в создании условий для феномена устойчивого экономического роста. В заключении формулируются основные уроки и дидактические ключи для курса по макроэкономике развития.

2. Ранние факторы развития и их влияние на долгосрочный экономический рост

Изучение проблем развития человеческого общества логично начать с периода появления современного человеческого вида (человека разумного, Sapience) на нашей планете. В качестве мыслительного эксперимента можно представить себе циферблат, отсчитывающий время от момента появления первого человека разумного (0 часов 0 минут) до настоящего момента (12 часов ровно). Неизвестно точной даты появления Сапиенса в Восточной Африке, но большинство исследователей сходятся в том, что это произошло около 150–200 тыс. лет назад. Возьмем за точку отсчета 200 тыс. лет (0 часов 0 минут). Большую часть времени Сапиенс занимал лишь определенную территорию в Юго-Восточной Африке, не распространяясь за его пределы, что характерно и для других живых видов. В период 70 тыс. до нашей эры предок современного человека перебрался в Аравию (Харари, 2022; Галор, 2022), а в течение последующих 60 тыс. лет распространился по всей земле.

Одним из наиболее значимых событий в истории человечества раннего периода времени является неолитическая революция, переход к производству продовольствия и выращиванию скота, также сопровождавшаяся переходом к оседлому образу жизни. Неолитическая революция происходит впервые на территории «плодородного полумесяца», расположенной между Средиземным морем и Персидским заливом (на территории современной Турции, Египта, Израиля, Сирии, Ирака) 10–12 тыс. лет назад. На гипотетическом циферблате момент неолитической революции происходит в 11 часов 24 минуты.

До неолитической революции жизнь человеческого общества проходила в период палеолита, общество состояло из малых групп охотников-собирателей, обыкновенно не превышающих 30–50 чел. Малое число людей определялось ограниченностью доступных природных ресурсов и возможностей прокормить себя. Даже до неолитической революции существовали некоторые элементы неравенства и иерархии, однако они не могли быть значительными в связи с отсутствием прибавочного продукта, готового к перераспределению.

Были ли некоторые события палеолита, которые существенно повлияли на дальнейшее развитие общества, а также на современную дифференциацию наций по доходам? Археологические исследования позволяют зафиксировать значимые события преистории, которые в целом являются связанными. Это распространение нашего человеческого вида по планете, появление первых памятников культуры и исчезновение многих (а в некоторых местах практически всех) видов крупных животных в регионах, заселенных человеком (Австралия, Северная и Южная Америка).

Эти события связаны друг с другом, в т. ч. потому, что они происходят под влиянием когнитивной революции, появления у человека умения мыслить абстрактно и создания новых форм коммуникации. Именно способность создавать истории и осуществлять коллективные действия, придумывать новое позволила Сапиенсам быть первым видом, самостоятельно распространившимся по всей планете (за исключением Антарктиды и отдаленных островов). Согласно современным исследованиям, 45000 лет назад человек пришел в Австралию, а 16000–12000 лет назад, по-

сле отступления ледника, заселил Северную и Южную Америки (Becerra-Valdivia & Higham, 2020).

Распространение по планете вследствие любознательности и поиска новых и новых ресурсов для существования, сопровождающееся расширением популяции, было в некоторой степени экзогенным процессом, т. к. происходило по заданным географическими условиями маршрутам. К. Ашраф и О. Галор (Ashraf & Galor, 2013) используют факт экзогенного распространения человека по планете 70–12 тыс. лет назад для поиска взаимосвязи между разнообразием внутри человеческой общества и экономическим процветанием. Каждая следующая группа поселенцев несет в себе меньше социального и культурного разнообразия, чем исходная группа их среды обитания. В этом состоит серийный эффект основателя (*serial founder effect*). В то же время социальное и культурное разнообразие в свою очередь оказывает немонотонное влияние на уровень экономического развития. О. Галор (Galor, 2022) приводит яркий пример США середины XX в., в которых смешение разных культурных и этнических групп привело к большому прогрессу в музыке, литературе, науке и технологиях и в то же время сопровождалось значительными конфликтами на этнической и расовой почве.

Используя расстояние миграции от Восточной Африки как экзогенный предиктор разнообразия внутри общества, К. Ашраф с соавторами (Ashraf et al., 2021) показывают значимое влияние расселения человека по планете на исторические и современные уровни развития. Так, наибольший успех (при контроле на экзогенные биогеографические и иные факторы) приносит именно промежуточный уровень разнообразия. Страны, характеризующиеся промежуточным значением индекса разнообразия, обладали более высокой плотностью населения в доиндустриальную эпоху, более высоким уровнем урбанизации в начале XVI в. и более значительным доходом на душу населения и уровнем освещенности[1] (*luminocity index*) в современный период.

К. Ашраф и соавторы (Ashraf et al., 2021) рассматривают сравнительное влияние фундаментальных факторов на современный уровень развития в 129 странах мира, для которых доступны необходимые данные. Зависимой переменной выступает логарифм доходов на душу населения в 2010–2018 гг. Тестируется гипотеза о влиянии таких факторов, как исторически сформированное разнообразие внутри человеческих сообществ (основная переменная), а также большой набор других факторов, включая географические факторы (широта, плодородие почв, доступ к рекам и побережьям, тропический климат), исторические факторы (время, прошедшее со времен неолитической революции в данном регионе), экологические факторы (риск малярии), культурное разнообразие (доля людей, исповедующих основные религии) и политэкономические факторы (степень ограничений исполнительной власти). Эконометрическая модель позволяет оценить вклад каждого из факторов в различия в доходах на душу населения. Объясняющая способность разнообразия внутри общества составляет от 16 % до 26 % остаточной вариации в доходах на душу населения, что свидетельствует о том, что ранние факторы развития существенно влияют на современные различия в доходах на душу населения между странами.

[1] Уровень ночной освещенности (luminocity index), измеряющий интенсивность ночного освещения территории по данным космических спутников, позволяет дать альтернативную оценку уровню развития регионов (без привязки к государственным границам и возможностям официальной статистики).

Важнейшим следствием распространения человека по планете стало значительное разнообразие биогеографических факторов, с которыми ему пришлось сталкиваться. Именно это позволяет рассматривать распространение человека как квазиестественный эксперимент, приводящий к разным долгосрочным последствиям для сложных иерархических сообществ или новых технологий. Дж. Даймонд одним из первых ставит вопрос о причинах различной скорости развития отдельных регионов и континентов (Даймонд, 2016). Разная скорость перехода к земледелию и скотоводству повлияла на момент формирования сложных иерархических обществ (государств), которые в свою очередь также определили возможность для развитого разделения труда, распространения знаний и технологий, и технологического доминирования. Теория Даймонда предполагает, что возможность перехода к сельскому хозяйству обусловлена 1) доступом к потенциально одомашниваемым видам растений и животных, способных к интенсивному сельскохозяйственному производству, 2) возможности заимствовать технологии, обусловленной географической близостью и схожими природными условиями.

Диаграммы 1 (а, б) предлагаются нами впервые в данной работе для иллюстрации различия во времени неолитической революции для двух регионов. Возрастающий характер производительности в земледелии связан с эффектами обучения опытом и создания, распространения технологий, в то время как убывающая во времени производительность в секторе охоты и собирательства может быть связано с истощением природных ресурсов. В регионе А, Ближний Восток, возможности для охоты и собирательства 12000–10000 лет назад были подорваны климатическими изменениями, в то время как основные дикие культуры, пригодные для земледелия (ячмень, пшеница) были доступны. В регионе В, Северная Америка, ресурсы для охоты и собирательства оставались в изобилии. В результате в Северной Америке неолитическая революция происходит на 5 тыс. лет позже, чем в плодородном полумесяце. Приведенный пример соответствует, на наш взгляд, первому в истории случаю «ресурсного проклятья». Изобилие ресурсов, пригодных для охоты и собирательства, может вызвать существенное отставание в развитии в будущем. Другой пример связан с отсутствием растений и животных, пригодных для одомашнивания (рис. 1б). В этом случае переход к земледелию также замедлен, что характерно и для Северной Америки, где единственной злаковой культурой, пригодной для одомашнивания, являлась лишь кукуруза.

Неолитическая революция приводит ко многим негативным последствиям, с которыми человечество вынуждено справляться до сих пор. Возросшая плотность населения уже не позволяет использовать технологии охоты и собирательства и вынуждает на ранних этапах полагаться на монокультуру, будь то ячмень, пшеницу или рис, что уменьшает разнообразие рациона и подвергает общество опасности голода. Появление прибавочного продукта и оседлый образ жизни поощряют распространение войн, а высокая плотность населения в деревнях и затем городах и тесный контакт с одомашненными животными вызывают риски эпидемий. Несмотря на эти напасти, неолитическая революция открывает дверь к увеличению сложности сообществ и повышению плотности населения. Так, 5500 лет назад в столице Шумера, Уруке, обитало до 50 тыс. чел., что немыслимо для предыдущего палеолитического уклада (Хейвуд, 2009). Именно там и появляется первая письменность, содействуя революции в общественном устройстве.

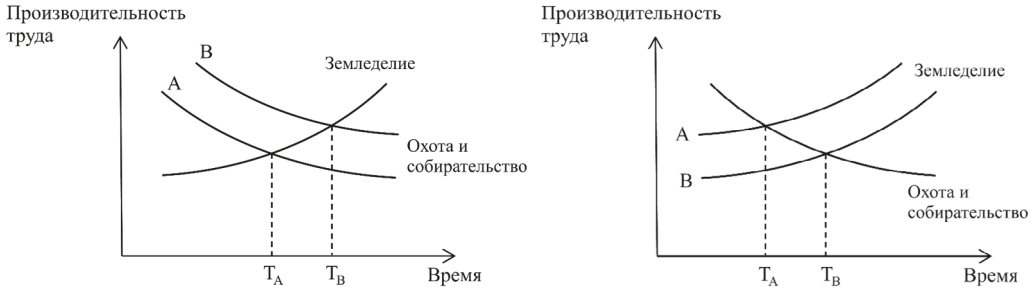

Рис. 1. *Момент неолитической революции (источник: сост. автором)*
Fig. 1. *The Moment of the Neolithic Revolution*

Примечание: на рисунке 1а представлен случай первого в истории «ресурсного проклятья». Обилие источников для охоты и собирательства откладывает момент неолитической революции. На рисунке 1б отсутствие растений, пригодных для одомашнивания, или же их низкая пищевая ценность замедляют переход к земледелию. T_A, T_B отражают момент перехода к земледелию для региона A и B.

Неолитическая революция является необходимым, но недостаточным условием для появления сложных иерархических обществ с высоким уровнем неравенства. Именно возникновение городов и государств позволило расширить уровень специализации и привело к ускорению технического прогресса. Ранние теории о формировании государства, включая теории А. Смита и Ф. Энгельса, подчеркивают, что появление прибавочного продукта (излишков, превышающий уровень выживаемости) и необходимости его защищать привело к формированию первых государств. В то же время на планете были целые регионы с высокой производительностью сельского хозяйства и длительным отсутствием государства. Так, например, К.Ю. Еськов[1] подчеркивает, что страны Америки имели преимущества в производстве клубневых и корнеплодах (картофель, тропическая маниока), в то время как Дж. Скотт (Scott, 2017) отмечает, что ни одно из классических государств не было основано на корнеплодах.

Дж. Майшар и соавторы (Mayshar et al., 2002) используют данные о периоде формирования сложных иерархических сообществ по всему миру из этнографического атласа Дж. Мердока (Murdock, 1967), объединяя их с данными о распределении родственников одомашненных растений, производительности земель, локациями древних городов, для проверки уточненной теории формирования государства. Согласно их теоретической модели, возможность изъятия продукта (*appropriability*) имеет значение. При производстве корнеплодов, которые невозможно хранить (они быстро портятся), требующих тщательной обработки для потребления, государство не возникает. Их основной вывод заключается в том, что именно производство зерновых имеет прямое значимое воздействие на вероятность формирования сложных иерархий и государств.

Другой подход к вопросу создания государств связан с решением проблемы коллективных действий. Р. Аллен и соавторы (Allen et al., 2023) используют данные за период 3900–2700 лет до н. э. о всех известных на данный момент государственных образованиях на территории Южного Ирака, представляющих Шумеро-Аккадскую цивилизацию. Ключевой особенностью Тигра и Ефрата, двух основ-

[1] Еськов, К. Ю. (2010). Карандашные пометки биолога на полях книги Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ». *Троицкий вариант,* (11), 10–11.

ных рек Месопотамии, была возможность бурных разливов и резкого изменения русла реки, что также приводило к серьезным наводнениям. Р. Аллен и соавторы (Allen et al., 2023) используют первое известное событие о смене русла рек 2850 лет до н. э. как квазиестественный эксперимент, а также сравнивают момент создания первых государств в местности, подвергшейся и не подвергшейся изменениям. Используя метод разности в разностях (*difference in difference*), они показывают, что в местности, от которой река отодвинулась, становится более вероятно возникновение государства, строительство ирригационных сооружений и возведения стен и других строений[1]. При отдалении реки возникает спрос на сложные ирригационные сооружения, что поощряет к созданию государства, обеспечивающего строительство каналов. Это эмпирическое исследование подчеркивает роль возникновения первых государств как решения координационной проблемы в обществе, в отличие от стандартной теории возникновения государства как инструмента изъятия прибавочного продукта.

Ведет ли раннее возникновение государства к преимуществам в современный период? На диаграмме 2 представлены регионы, где существовали государства в период 500 лет до н. э. Многие из этих стран сегодня, такие как Ирак, Египет или Сирия, не являются странами с наиболее высоким уровнем доходов на душу населения. Н. Лагерлоф предлагает оригинальную модель, объясняющую немонотонную взаимосвязь между моментом возникновения государства и уровнем развития сегодня (Lagerlöf, 2016). Он выделяет три режима: в случае отсутствия государства вследствие проблем с координацией усилий и проблемы безбилетника общественные блага недофинансируются. При демократическом режиме правления все социальные группы участвуют в финансировании общественных благ, в авторитарных режимах одна из групп получает преимущества за счет других (см. также (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Натхов, Полищук, 2017)). В случае, если преимущества одной из групп имеют свойство усиливаться во времени (благодаря неравномерному перераспределению, усилению силы авторитаризма или закреплению в обществе социальных и культурных норм, поддерживающих политическое неравенство), раннее формирование государства может привести к более устойчивой форме авторитаризма. Тогда демократические реформы XIX–XX вв. могут оказаться менее реализуемыми для стран, имеющих более длительный опыт авторитарной формы правления. Н. Лагерлоф отмечает как в теоретической модели, так и при анализе эмпирических данных, что наибольших успехов в экономике достигли страны, которые сформировали государства не слишком рано.

Одним из возможных механизмов влияния раннего развития наций на современные экономические показатели является формирование культуры под воздействием биогеографических факторов. Современные исследования определяют культуру как набор ценностей, верований и норм, которые способны передаваться из поколения в поколения (Boyd & Richerson, 1985; Nunn, 2021). Многие из работ подчеркивают взаимосвязь между ранним периодом становления общества и современным культурным портретом общества. Такие поощряющие рост ценности, как доверие к другим людям, длительный горизонт планирова-

[1] Единицей измерения в исследовании (Allen et al., 2023) является квадратная территория, площадью 25 кв. км (клетка), авторы собирают информацию о 1,374 таких клеток между Тигром и Ефратом и между Багдадом и современной Басрой.

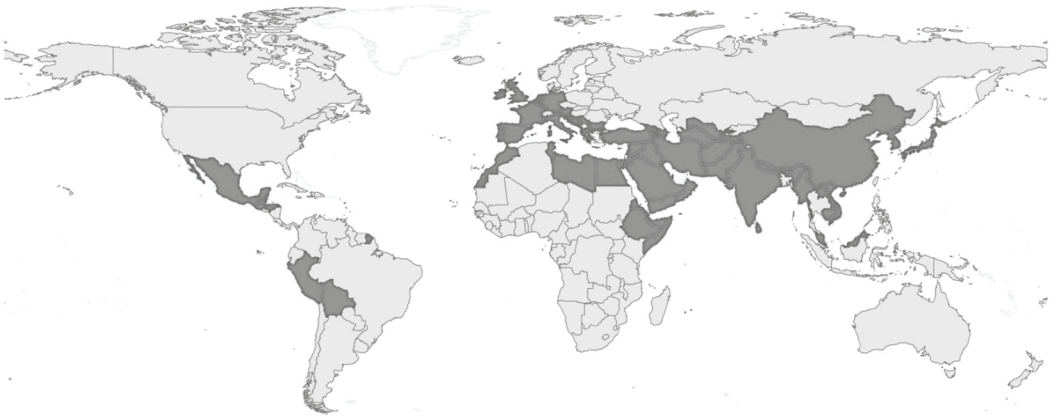

Рис. 2. *Страны, на территории которых существовали ранние государства (500 лет до нашей эры) (источник: Mayshar et al., 2022)*
Fig. 2. *Countries Where Early States Existed (500 BCE)*

ния, равноправие мужчин и женщин[1], были сформированы лишь в определенных исторических условиях. А. Алесина и соавторы (Alesina et al., 2013) предлагают эмпирический тест для гипотезы Э. Бозерап (Boserup, 1970), согласно которой в обществах, использующих традиционно плуг в сельском хозяйств, социальное положение мужчин остается более значительным. Ученые (Alesina et al., 2013) используют данные всемирного исследования ценностей (*World Value Survey*), а также объективные показатели, такие как уровень участия в рабочей силе для женщин, для оценки влияния ранних факторов. Они показывают, что в обществах, традиционно использующих плуг, большее количество респондентов дает ответы, подчеркивающие неравенство между мужчинами и женщинами. О. Галор и О. Озак (Galor & Özak, 2016) определяют роль биогеографических факторов при формирования более длительных горизонтов планирования: в обществах, где вложение в земледелие дает больший выигрыш, культурные черты, связанные с терпеливостью и усердием, получили большее распространение.

Несмотря на то, что подобные работы говорят о существенной устойчивости культурных паттернов в обществе, они не свидетельствуют о невозможности культурных изменений. Значительные культурные изменения происходили в эпоху протестантской реформации в Европе, первой промышленной революции, формирования современного государства, финансирующего общественные блага, в условиях плановой экономики. П. Джиулиано и Н. Нанн (Giuliano & Nunn, 2021) проверяют гипотезу, согласно которой устойчивость окружающей среды приводит к устойчивости социальных норм в обществе. Они используют палеоклиматические данные, представленные в работе М. Манна и др. (Mann et al., 2009), оценива-

[1] Вопросу воздействия культурных факторов на экономическое развитие посвящена отдельная литература. Так, в работе (Algan & Cahuc, 2010) используются данные об уровне доверия к другим людям потомков иммигрантов в США для оценки прямого воздействия доверия на экономическое развитие стран мира в 1935–2000 гг. Они показывают, что различия в уровне доверия объясняют значительную часть различий в уровне доходов между странами. В работе (Doepke & Zilibotti, 2008, 2014) подчеркивается роль склонности к риску и предпринимательских талантов в формировании условий для промышленной революции. М. Хазан с соавторами (Hazan et al., 2019) показывают, что расширение прав наследования для женщин в отдельных штатах США XIX в. увеличило возможности для инвестирования и привело к большим темпам индустриализации.

ющие среднюю температуру в микрорегионах планеты (клетки 1/2 градуса на 1/2 градуса) с 500 н. э. по 1900-е гг. П. Джиулиано и Н. Нанн (Giuliano & Nunn, 2021) выявляют следующую закономерность, что в обществах, сталкивающихся с большими колебаниями температурного режима, респонденты WVS отмечали меньшую значимость традиций. Кроме того, иммигранты в США, которые являются представителями народов, проживающих в условиях больших колебаний температурного режима, быстрее изучали английский язык и реже вступали в брак с представителями своего же народа.

Модели культурной трансмиссии показывают, что, если какая-либо из культурных черт становится более привлекательной с точки зрения выживаемости и процветания, она получает большее распространение в обществе (Galor & Moav, 2002; Doepke & Zilibotti, 2008; Besley, 2020; Nunn, 2021). Это создает условия для одновременной трансформации институциональной и культурной среды в более благоприятную для устойчивого роста[1].

3. Источники доиндустриального роста

Единая теория роста О. Галора и Д. Уайла позволяет проследить движение общества от мальтузианской стагнации к эпохе современного роста[2]. Согласно модели Галора-Уайла (Galor & Weil, 2000; Galor, 2011), ускорение технического прогресса ведет к росту спроса на формальное образование, что в свою очередь еще более ускоряет технический прогресс. В то же время современные исследования обращают внимание на длительный процесс формирования условий для промышленной революции. В третьем разделе мы сфокусируемся на источниках возникновения промышленной революции в Европе, которая была следствием качественных изменений в экономике и обществе как минимум в период X–XVIII вв.

Дж. Мокир и др. (Mokyr et al., 2022) обнаруживают тесную взаимосвязь между расположением водяных мельниц на территории Англии в XI в. и географией первой промышленной революции. Водяные мельницы нуждались в технологическом обслуживании, что означало наличие класса мастеров (*millwrights*), опыт и знания которых передавались из поколения в поколение. Авторы используют данные «Книги судного дня» (*Doomsday book*) о расположении водяных мельниц в качестве экзогенного параметра, влияющего на распределение квалифицированных технических работников, а также большое количество географических контро-

[1] Примером подобной трансформации является рост налоговой ответственности граждан и ответственности государства за предоставление общественных благ в XIX–XX вв. в наиболее развитых странах мира. Т. Бесли (Besley, 2020) предлагает теоретическую модель взаимосвязи гражданской культуры и способности государства предоставлять общественные блага, в которой начальные условия ведут к множественному равновесию. Ответственность государства при финансировании общественных благ ведет к большим выигрышам для граждан, настроенных платить налоги (civic-minded individuals), что приводит к распространению культуры оплаты налогов и формирует фискальные возможности государства. Другое равновесие предполагает обратное: низкая ответственность государства при финансировании общественных благ приводит к большей доли агентов материалистов, избегающих платить налоги, что угнетает фискальные возможности.

[2] Мальтузианская стагнация предполагает положительную взаимосвязь между уровнем технологий и численностью населения и отсутствие взаимосвязи между уровнем технологий и уровнем доходов на душу населения. Теоретическое и эмпирическое моделирование перехода к современному экономическому росту в России до сих пор остается не полностью изученной темой. О существующей границы знаний в этой области см., например, работу (Диденко, 2024).

лей, чтобы убедиться в том, что нет прочих факторов, влияющих как на расположение водяных мельниц в XI в., так и на географию промышленной революции. Расположение мельниц положительно влияет как на количество учеников мастеров в XIX в., так и на расположение текстильных предприятий.

Передача мастерства требует также специальных институтов. Д. де ла Круа и соавторы (De la Croix et al., 2018) предлагают теоретическую модель, описывающую роль гильдий в экономическом развитии Европы. Обыкновенно гильдии рассматриваются как институт, препятствующий развитию вследствие монополизации рынков и стремления блокировать инновации (Desmet & Parente, 2014). В модели Д. де ла Круа гильдии позволяют решить проблему морального риска при передаче знаний от мастера ученику, а также упростить возможность распространения знаний. Авторы создают мальтузианскую модель доиндустриальной экономики, в которой мастерство передается от поколения в поколения либо в системе кланов (расширенных семей), либо в системе гильдий. Клановая система, распространенная в Азии, позволяет решить проблему морального риска, но существенно сужает круг потенциальных учеников, в то время как система гильдий позволяет получить обучение наиболее способным ученикам. Авторы рассматривают гильдии как промежуточный шаг между системой передачи знаний внутри семьи и рыночной системой с совершенными и полными контрактами.

К. Десмет и С.Л. Паренте (Desmet & Parente, 2014) предлагают модель создания и распада гильдий в доиндустриальной Европе. По мере развития рынков фирмам становится выгодным внедрение новых технологий, что противоречит интересам квалифицированных работников, т. к. данные технологии (например, новый вид ткацкого станка) вытесняют труд квалифицированных мастеров. В результате становится выгодным образование гильдий, препятствующих распространению новых технологий. В дальнейшем при более высоком уровне развития рынков высокий уровень прибыли позволяет преодолеть блокирование со стороны гильдий и, как следствие, ведет к их роспуску.

Помимо мастерства и человеческого капитала, ключевым в доиндустриальном развитии Европы было создание институтов, поощряющих частную инициативу и ограничивающих абсолютную власть монарха (North, 1990). Первых значительных успехов в экономическом развитии в средневековой Европе достигли итальянские города-государства. Д. Пуга и Д. Трефлер (Puga & Trefler, 2014) рассматривают пример подъема и упадка средневековой Венеции, имеющий общие черты, характерные и для других примеров развития. Они предлагают теоретическую модель, объясняющую подъем и упадок Венеции. Коммерческая революция в Европе привела к распространению международной морской торговли на большие расстояния и обогатила новый класс купцов и торговцев. Это привело к созданию ряда институтов, лежащих в основе экономического процветания Европы: ограничения абсолютной власти правителя (Дож в Венеции перестал быть наследственным постом в 1032 г.), появлении Парламента в 1172 г. (Puga & Trefler, 2014), а также институтов защиты прав собственности и системы коммерческого права.

Теоретическая модель Д. Пуга и Д. Трефлера основана на двух основных тезисах: институциональные изменения происходят не по причине их эффективности для общества, а по причине воздействия сильных групп интересов; международная торговля создала условия для процветания, но она же создала условия для концентрации богатства в руках наиболее крупных торговцев и дальнейшего упадка.

Д. Пуга и Д. Трефлер фокусируются на периоде истории Венеции 1297–1323 гг., когда политические и экономические институты были подчинены влиянию наиболее богатых семей, создав условия для монополизации экономики, крайне высокого уровня неравенства, углубления социальной стратификации и стагнации. Авторы рассматривают детальную статистку о 6959 свадьбах среди элиты в XV–XVII вв., показывая, что семьи, доминирующие в парламенте до 1296 г., остались наиболее влиятельными среди элиты и в последующие 200–300 лет.

Обобщая существующие исторические свидетельства, Ш. Огилви и А. Карус (Ogilvie & Carus, 2014) формулируют ряд уроков для теорий экономического развития с позиций историков. Их выводы напрямую связаны с ролью политических и экономических институтов в долгосрочном развитии. Они подчеркивают, что в центре институциональных условий в средневековой Европе лежал перераспределительный конфликт. Так, институты крепостного права, существовавшие долгое время в Европе, позволяли перераспределить продукт в пользу землевладельцев. Более того, Ш. Огилви и А. Карус (Ogilvie & Carus, 2014) приводят свидетельства того, что роль государства для формирования условий для экономического роста была существенной и в доиндустриальную эпоху. На примере торговых ярмарок в Шампани с 1180 по 1300 гг. Ш. Огилви и А. Карус подчеркивают, что в течение всего времени, пока правители Шампани обеспечивали гарантии прав собственности и открытый доступ к торговле для купцов, вне зависимости от их национальной принадлежности и статуса, ярмарки Шампани оставались ведущими в Европе, внося существенный вклад в средневековую коммерческую революцию. Как только эти гарантии были сужены или отменены, ярмарки пришли в упадок.

Ш. Огилви и А. Карус уточняют также тезис о роли парламента в долгосрочном развитии Европы. С их точки зрения, ключом к развитию Европы было не столько само формирование парламента, сколько формирование коалиций внутри парламента, поощряющих реформы, направленные на устранение барьеров для роста. Ряд работ подчеркивает роль групп интересов, крупных землевладельцев, владельцев капитала в проведении реформ, раскрывающих возможности для индустриализации (Galor et al., 2009; Veselov & Yarkin, 2024). В целом данные работы отчасти проливают свет на причины существования Большой Дивергенции (*Great Divergence*), расхождения в уровне развития макрорегионов мира (Европы и Азии) в XIX–XX вв. и Малой Дивергенции (*Little Divergence*), опережающего развития стран Северной Европы в XIV–XVIII вв., до промышленной революции[1].

Недавние работы свидетельствуют также о совместной динамике институциональных и культурных факторов в доиндустриальную эпоху. А. Бизин и соавторы (Bisin et al., 2024) предлагают оригинальную модель объяснения феномена «Долгого расхождения» (*Long Divergence*), перехода к лидерству в экономическом развитии от Исламского мира к Европе. М. Боскер и соавторы (Bosker et al., 2013) приводят свидетельства высокого уровня урбанизации в Исламском мире в IX–X вв., значительно превышающего уровень Европы. Вместе с тем в следующие столетия именно Европа стала технологическим лидером. Авторы предлагают теоретико-игровую модель с четырьмя участниками: правителем, религиоз-

[1] Оригинальная концепция Большой и Малой Дивергенции (*Great Divergence and Little Divergence*), основанная на личной этической мотивацией к труду (культурный фактор), экономической мотивации и наличии институциональной структуры, организующей коллективные действия, предложена И. О. Смирновым (2023).

ными и гражданскими элитами и гражданским обществом. Правитель имеет возможность собирать налоги и финансировать религиозные учреждения, религиозные лидеры влияют на религиозные и культурные остановки общества, в то время как граждане имеют возможность передавать свои культурные остановки (степень религиозности) будущим поколениям. А. Бизин и соавторы (Bisin et al., 2024) доказывают существование множественного равновесия. В обществах с изначально высоким уровнем религиозности правители делегируют много власти религиозным элитам, что еще более поощряет передачу религиозных норм. Обратное также верно для секулярного равновесия. Авторы применяют данную модель для объяснения формирования традиционных религиозных государств и светских государств, что также влияет на скорость создания и распространения новых технологий. Изученные нами работы подчеркивают, что как институциональные, так и культурные изменения не являются случайными, и в то же время значительно воздействуют на долгосрочное экономическое развитие. Примеры расцвета и заката Венецианской республики, появления и исчезновения средневековых гильдий, дивергенции Европы и исламских стран, основанной на религиозных нормах и стимулах элит, отражают более общую картину сложной экономической и социальной динамики. Поступательное изучение исторических основ экономического роста с опорой на данные способно дать более широкое понимание успехов и провалов развития как ранних цивилизаций, так и современных стран.

4. Заключение

Первая промышленная революция начинается на нашем гипотетическом циферблате в 11 часов 59 минут 17 секунд, а феномен современного экономического роста — в 11 часов 59 минут 58 секунд, за 2 секунды до настоящего момента. Простое утверждение о том, что до этого большую часть времени мир находился в состоянии мальтузианской стагнации (Ashraf & Galor, 2011), несмотря на то, что содержательно верно, вместе с тем упрощает богатую и разностороннюю картину качественных изменений в экономике и обществе в доиндустриальный период.

Обзор не позволяет покрыть всю тематику развития в доиндустриальную эпоху и в эпоху первой промышленной революции в контексте моделей роста. Большой пласт литературы посвящен истокам промышленной революции в Англии (см. например, работы (Heldring et al., 2021; Jha, 2015)), вопросам влияния колониальной политики на развитие как государств — бывших колоний, так и метрополий (Acemoglu et al., 2001; Heblich et al., 2022). Большой и важной для макроэкономики развития темой является формирование институтов открытого доступа (North et al., 2009; Lizzeri & Persico, 2004; Веселов, 2015). Несмотря на более узкий фокус, предложенный обзор позволяет сформулировать ряд выводов для курса по экономике роста и развития.

В академической литературе существует дискуссия о значимости географических, культурных, институциональных факторов, роли личности или же исторического случая в объяснении долгосрочной динамики стран. Каждая из теорий самостоятельно не способна объяснить имеющее многообразие индивидуальных траекторий стран и человеческих сообществ. Вместе с тем общее значительное приращение знаний, наблюдаемое в данной области, позволяет выявить ключевые детерминанты технологических изменений и долгосрочного роста, во-многом совпадающие в доиндустриальную и современную эпоху. К ним относятся создание

и защита институтов прав собственности и системы контактов, поддерживаемая государствам и защищающая права самого широкого круга граждан (ключевая особенность институтов открытого доступа), система воспроизводства и расширения уровня человеческого капитала (знаний и навыков), доступная всем[1], и, наконец, система принятия коллективных решений, основанная на широких общественных интересах.

Приведенные в обзоре исследования свидетельствуют, что любые количественные успехи в экономическом росте являются следствием изменений в экономике и обществе, создающим условия для этого. Несмотря на то, что ранние факторы развития играют существенную роль, в каждый период времени институциональная и культурная структура общества не является стационарной и подвержена внешним и внутренним изменениям. Представленные в обзоре примеры институциональной и культурной динамики позволяют увидеть современную эпоху как результат непрерывных преобразований и сделать вывод о важности выбора пути, основанного на лучших практиках, для гарантий жизни и благополучия будущих поколений.

Список источников

Аджемоглу, Д., Джонсон, С. (2024). *Власть и прогресс*. Москва: АСТ.

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2015[2012]). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: Издательство АСТ, 575.

Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2021). *Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы*. Москва: Издательство АСТ, 704.

Балацкий, Е. В. (2019). Общая теория социального развития и циклы принуждения. *Общественные науки и современность,* (5), 156–174. https://doi.org/10.31857/S086904990006569-7

Балацкий, Е. В. (2021). Поликаузальная концепция социальной эволюции. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 14*(6), 49–69. https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3

Веселов, Д. А. (2015). Политические режимы, перераспределение и формирование общества открытого доступа. *Экономический журнал Высшей школы экономики, 19*(4), 576–608.

Веселов, Д. А., Яркин, А. М. (2022). Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика. *Вопросы экономики,* (1), 47–71. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71

Галор, О. (2022). *Путь человечества. Истоки богатства и неравенства*. Москва: АСТ, 336.

Даймонд, Д. М. (2016). *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ*. Litres.

Диденко, Д. В. (2024). Переход России к «современному» режиму экономического роста: реинтерпретация модернизационных концепций. *AlterEconomics, 21*(4), 797–817. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.8

Егоров, Г. В. (2025). Институциональный фундамент долгосрочного экономического развития (Нобелевская премия по экономике 2024 года). *Вопросы экономики,* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43

Натхов, Т. В., Полищук, Л. И. (2017). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson “Why Nations Fail”. Часть I. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор. *Журнал Новой экономической ассоциации,* (2), 12–38.

Кояма, М., Рубин, Дж. (2024). *Как разбогател мир: исторические истоки экономического роста*. Москва: Издательство Института Гайдара, 464.

[1] Любой ограниченный доступ к образованию приводит, как показывают работы (De la Croix et al., 2018; Galor & Zeira, 1993), к снижению возможностей для экономического развития.

Полтерович, В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? *Вопросы экономики,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26

Смирнов, И. О. (2023). Великое расхождение и Малое расхождение как результат совпадения факторов экономического развития. *AlterEconomics, 20*(2), 291–308. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1

Харари, Ю. Н. (2022). *Sapiens. Краткая история человечества.* Москва: Синдбад, 520.

Хейвуд, Д. (2009). *Атлас всемирной истории.* Москва: АСТ, 384.

Acemoglu, D. (2008). *Introduction to Modern Economic Growth.* Princeton University Press.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *The American economic review, 91*(5), 1369–1401.

Aghion, P., & Howitt, P. W. (2008). *The economics of growth.* MIT press.

Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics, 128*(2), 469–530.

Algan, Y., & Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review, 100*(5), 2060–2092. https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060

Allen, R. C., Bertazzini, M. C., & Heldring, L. (2023). The economic origins of government. *American Economic Review, 113*(10), 2507–2545. https://doi.org/10.1257/aer.20201919

Ashraf, Q. H., & Weil, D. N. (2024). *Economic growth.* Taylor & Francis.

Ashraf, Q. H., Galor, O., & Klemp, M. (2021). The ancient origins of the wealth of nations. In *The handbook of historical economics* (pp. 675–717). Academic Press.

Ashraf, Q., & Galor, O. (2011). Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review, 101*(5), 2003–2041. https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003

Ashraf, Q., & Galor, O. (2013). The "Out of Africa" hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review, 103*(1), 1–46. https://doi.org/10.1257/aer.103.1.1

Becerra-Valdivia, L., & Higham, T. (2020). The timing and effect of the earliest human arrivals in North America. *Nature, 584,* 93–97. https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6

Besley, T. (2020). State capacity, reciprocity, and the social contract. *Econometrica, 88*(4), 1307–1335.

Bisin, A., Rubin, J., Seror, A., & Verdier, T. (2024). Culture, institutions and the long divergence. *Journal of Economic Growth, 29*(1), 1–40. https://doi.org/10.1007/s10887-023-09227-7

Boserup, E. (1970). *Woman's Role in Economic Development.* George Allen and Unwin Ltd.

Bosker, M., Buringh, E., & Van Zanden, J. L. (2013). From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800–1800. *The Review of Economics and Statistics, 95*(4), 1418–1437.

Boyd, R., & Richerson, P. J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. University of Chicago Press.

De la Croix, D., Doepke, M., & Mokyr, J. (2018). Clans, guilds, and markets: Apprenticeship institutions and growth in the preindustrial economy. *The Quarterly Journal of Economics, 133*(1), 1–70. https://doi.org/10.1093/qje/qjx026

Desmet, K., & Parente, S. L. (2014). Resistance to technology adoption: The rise and decline of guilds. *Review of economic dynamics, 17*(3), 437–458. http://dx.doi.org/10.1016/j.red.2013.09.005

Desmet, K., Greif, A., & Parente, S. L. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence. *Journal of Economic Growth, 25,* 1–35. https://doi.org/10.1007/s10887-019-09173-3

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2008). Occupational choice and the spirit of capitalism. *Quarterly Journal of Economics, 123*(2), 747–793. https://doi.org/10.1162/qjec.2008.123.2.747

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2014). Culture, entrepreneurship, and growth. In *Handbook of economic growth* (Vol. 2, pp. 1–48). Elsevier.

Galor, O. (2011). *Unified growth theory.* Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838868

Galor, O., & Moav, O. (2002). Natural selection and the origin of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics, 117* (4), 1133–1191. http://dx.doi.org/10.1162/003355302320935007

Galor, O., & Özak, Ö. (2016). The Agricultural Origins of Time Preference. *American Economic Review, 106* (10), 3064–3103. http://dx.doi.org/10.1257/aer.20150020

Galor, O., & Weil, D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American economic review, 90* (4), 806–828. http://dx.doi.org/10.1257/aer.90.4.806

Galor, O., & Zeira, J. (1993). Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies, 60* (1), 35–52.

Galor, O., Moav, O., & Vollrath, D. (2009). Inequality in landownership, the emergence of human-capital promoting institutions, and the great divergence. *Review of Economic Studies, 76* (1), 143–179. https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00506.x

Giuliano, P., & Nunn, N. (2021). Understanding cultural persistence and change. *The Review of Economic Studies, 88* (4), 1541–1581. https://doi.org/10.1093/restud/rdaa074

Hazan, M., Weiss, D., & Zoabi, H. (2019). Women's liberation as a financial innovation. *The Journal of Finance, 74* (6), 2915–2956. https://doi.org/10.1111/jofi.12829

Heblich, S., Redding, S. J., & Voth, H. J. (2022). Slavery and the British industrial revolution. *NBER Working Paper,* (30451). https://doi.org/10.3386/w30451

Heldring, L., Robinson, J. A., & Vollmer, S. (2021). The long-run impact of the dissolution of the English monasteries. *The Quarterly Journal of Economics, 136* (4), 2093–2145. https://doi.org/10.1093/qje/qjab030

Jha, S. (2015). Financial asset holdings and political attitudes: evidence from revolutionary England. *The Quarterly Journal of Economics, 130* (3), 1485–1545. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qjv019

Jones, C. I. (2016). The facts of economic growth. In *Handbook of macroeconomics* (Vol. 2, pp. 3–69). Elsevier.

Jones, C., & Vollrath, D. (2013). *Introduction to Economic Growth* (3rd ed.).

Lagerlöf, N. P. (2016). Statehood, democracy and preindustrial development. *Journal of Economic Dynamics and Control, 67,* 58–72. http://dx.doi.org/10.1016/j.jedc.2016.04.001

Lizzeri, A., & Persico, N. (2004). Why did the elites extend the suffrage? Democracy and the scope of government, with an application to Britain's "Age of Reform". *The Quarterly journal of economics, 119* (2), 707–765. http://dx.doi.org/10.1162/0033553041382175

Mann, M. E., Zhang, Z., Rutherford, S., Bradley, R. S., Hughes, M. K., Shindell, D., Ammann, C., Faluvegi, G., & Ni, F. (2009). Global signatures and dynamical origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly. *Science, 326* (5957), 1256–1260. http://dx.doi.org/10.1126/science.1177303

Mayshar, J., Moav, O., & Pascali, L. (2022). The origin of the state: Land productivity or appropriability? *Journal of Political Economy, 130* (4), 1091–1144. http://dx.doi.org/10.1086/718372

Mokyr, J., Sarid, A., & Van Der Beek, K. (2022). The Wheels of Change: Technology Adoption, Millwrights and the Persistence in Britain's Industrialisation. *The Economic Journal, 132* (645), 1894–1926. https://doi.org/10.1093/ej/ueab102

Murdock, G. (1967). *Ethnographic Atlas.* University of Pittsburgh Press.

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance.* Cambridge university press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* Cambridge University Press.

Nunn, N. (2020). The historical roots of economic development. *Science, 367* (6485), eaaz9986. https://doi.org/10.1126/science.aaz9986

Nunn, N. (2021). History as evolution. In *The handbook of historical economics* (pp. 41–91). Academic Press.

Ogilvie, S., & Carus, A. W. (2014). Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Puga, D., & Trefler, D. (2014). International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization. *The Quarterly Journal of Economics, 129*(2), 753–821. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qju006

Scott, J. C. (2017). *Against the grain: A deep history of the earliest states*. Yale University Press.

Veselov, D., & Yarkin, A. (2024). Lobbying for industrialization: Theory and evidence (No. 260). *EHES Working Paper*.

References

Acemoglu, D. (2008). *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton University Press.

Acemoglu, D., & Johnson, S. (2024). *Vlast' i progress [Power and Progress]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2015[2012]). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety [Why Nations Fail: The Original of Power, Prosperity, and Poverty]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2021). *Uzkiy koridor. Gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody [The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *The American economic review, 91*(5), 1369–1401.

Aghion, P., & Howitt, P. W. (2008). *The economics of growth*. MIT press.

Alesina, A., Giuliano, P., & Nunn, N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *The Quarterly Journal of Economics, 128*(2), 469–530.

Algan, Y., & Cahuc, P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review, 100*(5), 2060–2092. https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060

Allen, R. C., Bertazzini, M. C., & Heldring, L. (2023). The economic origins of government. *American Economic Review, 113*(10), 2507–2545. https://doi.org/10.1257/aer.20201919

Ashraf, Q. H., & Weil, D. N. (2024). *Economic growth*. Taylor & Francis.

Ashraf, Q. H., Galor, O., & Klemp, M. (2021). The ancient origins of the wealth of nations. In *The handbook of historical economics* (pp. 675–717). Academic Press.

Ashraf, Q., & Galor, O. (2011). Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review, 101*(5), 2003–2041. https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003

Ashraf, Q., & Galor, O. (2013). The "Out of Africa" hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review, 103*(1), 1–46. https://doi.org/10.1257/aer.103.1.1

Balatskii, E. V. (2019). General theory of social development and cycles of coercion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World],* (5), 156–174. https://doi.org/10.31857/S086904990006569-7 (In Russ.)

Balatsky, E. V. (2021). Polycausal concept of social evolution. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14*(6), 49–69. https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.3 (In Russ.)

Becerra-Valdivia, L., & Higham, T. (2020). The timing and effect of the earliest human arrivals in North America. *Nature, 584,* 93–97. https://doi.org/10.1038/s41586-020-2491-6

Besley, T. (2020). State capacity, reciprocity, and the social contract. *Econometrica, 88*(4), 1307–1335.

Bisin, A., Rubin, J., Seror, A., & Verdier, T. (2024). Culture, institutions and the long divergence. *Journal of Economic Growth, 29*(1), 1–40. https://doi.org/10.1007/s10887-023-09227-7

Boserup, E. (1970). *Woman's Role in Economic Development*. George Allen and Unwin Ltd.

Bosker, M., Buringh, E., & Van Zanden, J. L. (2013). From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800–1800. *The Review of Economics and Statistics, 95*(4), 1418–1437.

Boyd, R., & Richerson, P. J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. University of Chicago Press.

De la Croix, D., Doepke, M., & Mokyr, J. (2018). Clans, guilds, and markets: Apprenticeship institutions and growth in the preindustrial economy. *The Quarterly Journal of Economics, 133* (1), 1–70. https://doi.org/10.1093/qje/qjx026

Desmet, K., & Parente, S. L. (2014). Resistance to technology adoption: The rise and decline of guilds. *Review of economic dynamics, 17* (3), 437–458. http://dx.doi.org/10.1016/j.red.2013.09.005

Desmet, K., Greif, A., & Parente, S. L. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence. *Journal of Economic Growth, 25,* 1–35. https://doi.org/10.1007/s10887-019-09173-3

Diamond, J. (2016). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Istoriya chelovecheskikh soobshchestv [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]*. Litres. (In Russ.)

Didenko, D. V. (2024). Russia's Transition to a "Modern" Economic Growth Regime: Revisiting Modernization Concepts. *AlterEconomics, 21* (4), 797–817. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.8 (In Russ.)

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2008). Occupational choice and the spirit of capitalism. *Quarterly Journal of Economics, 123* (2), 747–793. https://doi.org/10.1162/qjec.2008.123.2.747

Doepke, M., & Zilibotti, F. (2014). Culture, entrepreneurship, and growth. In *Handbook of economic growth* (Vol. 2, pp. 1–48). Elsevier.

Egorov, G. V. (2025). Institutional fundamentals of long-run economic development (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2024). *Voprosy ekonomiki,* (1), 32–43. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-32-43 (In Russ.)

Galor, O. (2011). *Unified growth theory.* Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838868

Galor, O. (2022). *Put' chelovechestva. Istoki bogatstva i neravenstva [The Journey of Humanity: The Origins of Wealth and Inequality]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Galor, O., & Moav, O. (2002). Natural selection and the origin of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics, 117* (4), 1133–1191. http://dx.doi.org/10.1162/003355302320935007

Galor, O., & Özak, Ö. (2016). The Agricultural Origins of Time Preference. *American Economic Review, 106* (10), 3064–3103. http://dx.doi.org/10.1257/aer.20150020

Galor, O., & Weil, D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American economic review, 90* (4), 806–828. http://dx.doi.org/10.1257/aer.90.4.806

Galor, O., & Zeira, J. (1993). Income distribution and macroeconomics. *The Review of Economic Studies, 60* (1), 35–52.

Galor, O., Moav, O., & Vollrath, D. (2009). Inequality in landownership, the emergence of human-capital promoting institutions, and the great divergence. *Review of Economic Studies, 76* (1), 143–179. https://doi.org/10.1111/j.1467-937x.2008.00506.x

Giuliano, P., & Nunn, N. (2021). Understanding cultural persistence and change. *The Review of Economic Studies, 88* (4), 1541–1581. https://doi.org/10.1093/restud/rdaa074

Harari, Yu. N. (2022). *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens: A Brief History of Humankind]*. Moscow: Sindbad Publishers. (In Russ.)

Haywood, J. (2009). *Atlas vsemirnoy istorii [The Atlas of the Ancient World]*. Moscow: AST Publishing. (In Russ.)

Hazan, M., Weiss, D., & Zoabi, H. (2019). Women's liberation as a financial innovation. *The Journal of Finance, 74* (6), 2915–2956. https://doi.org/10.1111/jofi.12829

Heblich, S., Redding, S. J., & Voth, H. J. (2022). Slavery and the British industrial revolution. *NBER Working Paper,* (30451). https://doi.org/10.3386/w30451

Heldring, L., Robinson, J. A., & Vollmer, S. (2021). The long-run impact of the dissolution of the English monasteries. *The Quarterly Journal of Economics, 136* (4), 2093–2145. https://doi.org/10.1093/qje/qjab030

Jha, S. (2015). Financial asset holdings and political attitudes: evidence from revolutionary England. *The Quarterly Journal of Economics, 130* (3), 1485–1545. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qjv019

Jones, C. I. (2016). The facts of economic growth. In *Handbook of macroeconomics* (Vol. 2, pp. 3–69). Elsevier.

Jones, C., & Vollrath, D. (2013). *Introduction to Economic Growth* (3rd ed.).

Koyama, M., & Rubin, J. (2024). *Kak razbogatel mir: istoricheskie istoki ekonomicheskogo rosta [How the World Became Rich. The Historical Origins of Economic Growth]*. Moscow: Gaidar Publishing House. (In Russ.)

Lagerlöf, N. P. (2016). Statehood, democracy and preindustrial development. *Journal of Economic Dynamics and Control, 67,* 58–72. http://dx.doi.org/10.1016/j.jedc.2016.04.001

Lizzeri, A., & Persico, N. (2004). Why did the elites extend the suffrage? Democracy and the scope of government, with an application to Britain's "Age of Reform". *The Quarterly journal of economics, 119* (2), 707–765. http://dx.doi.org/10.1162/0033553041382175

Mann, M. E., Zhang, Z., Rutherford, S., Bradley, R. S., Hughes, M. K., Shindell, D., Ammann, C., Faluvegi, G., & Ni, F. (2009). Global signatures and dynamical origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly. *Science, 326* (5957), 1256–1260. http://dx.doi.org/10.1126/science.1177303

Mayshar, J., Moav, O., & Pascali, L. (2022). The origin of the state: Land productivity or appropriability? *Journal of Political Economy, 130* (4), 1091–1144. http://dx.doi.org/10.1086/718372

Mokyr, J., Sarid, A., & Van Der Beek, K. (2022). The Wheels of Change: Technology Adoption, Millwrights and the Persistence in Britain's Industrialisation. *The Economic Journal, 132* (645), 1894–1926. https://doi.org/10.1093/ej/ueab102

Murdock, G. (1967). *Ethnographic Atlas*. University of Pittsburgh Press.

Natkhov, T. V., & Polishchuk, L. I. (2017). Political Economy of Institutions and Development: The Importance of Being Inclusive Reflection on "Why Nations Fail" by D. Acemoglu and J. Robinson Part I. Institutions and Economic Development.Institutional Choice. *Zhournal Novoi Ekonomicheskoi Associacii [Journal of the New Economic Association],* (2), 12–38. (In Russ.)

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge university press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History.* Cambridge University Press.

Nunn, N. (2020). The historical roots of economic development. *Science, 367* (6485), eaaz9986. https://doi.org/10.1126/science.aaz9986

Nunn, N. (2021). History as evolution. In *The handbook of historical economics* (pp. 41–91). Academic Press.

Ogilvie, S., & Carus, A. W. (2014). Institutions and economic growth in historical perspective. *Handbook of economic growth, 2,* 403–513. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00008-3

Polterovich, V. M. (2018). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture? *Voprosy ekonomiki,* (11), 5–26. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26 (In Russ.)

Puga, D., & Trefler, D. (2014). International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization. *The Quarterly Journal of Economics, 129* (2), 753–821. http://dx.doi.org/10.1093/qje/qju006

Scott, J. C. (2017). *Against the grain: A deep history of the earliest states*. Yale University Press.

Smirnov, I. O. (2023). Exploring the Three Factors of Economic Development and Their Role in the Emergence of the Great Divergence and Little Divergence. *AlterEconomics, 20* (2), 291–308. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1 (In Russ.)

Veselov, D. A. (2015). Political Regimes, Redistribution and the Formation of the Open Access Society. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Economic Journal], 19* (4), 576–608. (In Russ.)

Veselov, D. A., & Yarkin, A. M. (2022). Institutional changes, inequality and long-run economic development: Theory and empirics. *Voprosy Ekonomiki,* (1), 47–71. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71 (In Russ.)

Veselov, D., & Yarkin, A. (2024). Lobbying for industrialization: Theory and evidence (No. 260). *EHES Working Paper*.

Информация об авторе

Веселов Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доктор экономики университета Париж-1 Пантеон Сорбонна, доцент департамента теоретической экономики, старший научный сотрудник, Международная лаборатория макроэкономического анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; https://orcid.org/0000-0001-6634-2159 (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11; e-mail: dveselov@hse.ru).

About the author

Dmitry A. Veselov — Cand. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Econ.) of Paris-1 Panthéon-Sorbonne University, Associate Professor of Department of Theoretical Economics, Senior Research Associate of International Laboratory for Macroeconomic Analysis, National Research University “Higher School of Economics”; https://orcid.org/0000-0001-6634-2159 (11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation; e-mail: dveselov@hse.ru).

Дата поступления рукописи: 11.12.2024.
Прошла рецензирование: 18.12.2024.
Принято решение о публикации: 28.01.2025.
Received: 11 Dec 2024.
Reviewed: 18 Dec 2024.
Accepted: 28 Jan 2025.